№ 38—39 Сентябрь — Октябрь 1933 г. Цена 10 сентов

Р 4-4
Рос 1-105

P 4-4
Рос 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА 13 ОТДЕЛ им. В. И. ЛЕНИНА
64197

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП «ПРОБУЖДЕНИЕ»
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№ 38 — 39 Сентябрь — Октябрь 1933.

СОДЕРЖАНИЕ: М. НЕТТЛАУ. Либертарный дух в Испании с 1931 по 1933 г. — АВТОНОМОВ. Положение фармеров в Америке.—А. А. КАРЕЛИН. Задачи социальной революции.—АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Анархизм и революционное правительство. — Л. ЛИПОТКИН. Большевики и свободная Россия. — Стихи и письмо.

MAX NETTLAU

Либертарный дух в Испании с 1931 по 1933

Больше чем когда-нибудь в эти годы всеобщего кризиса, смягчить каторый никаким способом не удается государственникам всех оттенков, капиталистам, националистам и социалистам, — мы обращаем наши взоры к Испании, где либертарные силы теперь значительнее, чем где бы то ни было. Эти силы проявляют неутомимую активность, но наталкиваются на препятствие и на ожесточенное противодействие со стороны государственников, с которыми политические социалисты теперь окончательно соединили свою судьбу, — до такой степени, какую едва-ли могли предвидеть изследователи движения со стороны. Впрочем, анархисты всегда предсказывали это. Действительно, давно уже пора полностью признать, что грядущее освобождение человечества в такой же малой степени будет обязано своим приходом социалистам или социал-демократам, как мало интеллектульное освобождение обязано было протестантам 16-го века, которые яко-бы возстали против старой католической церкви, но которые очень скоро начали сжигать и уничтожать подлинных свободомыслящих совершенно так же, как это делала католическая церковь. Если последняя сожгла Джиордано Бруно в Риме в 1600 году, то кальвинисты сожгли каталонского свободомыслящего Мишеля Серве в Женеве в 1553 году. Таким образом, агенты испанской буржуазии и социалистическая партия, имеющая три важных места в кабинете министров, сожгли андалузских крестьян в их доме в Казас

Вьеяс в январе этого года и расстреляли многих заключенных без всякого подобия суда, в горящих домах. Это деяние ужаснуло мир, но социалисты смягчили впечатление своим парламентарным голосованием и продолжали цепляться за свои министерские посты. Социалистическая же печать других стран также, по большей части, смягчила это известие и если не оправдала его, то обошла молчанием, чтобы не задеть своих испанских товарищей. Когда дело доходит до этого, то старые связи между всеми оттенками социализма, которые все стремятся к социальному освобождению, все защищают интересы эксплоатируемых рабочих и все руководятся идеальными мотивами, — эти связи разрываются, ибо на стороне государственников нет уже более этой цели— всеобщего освобождения, а есть только диктатура партии. Рабочие, которыми распоряжаются вожди партии и министры, уже не являются более свободно действующими людьми, они не свободнее, чем рабочие при капиталистическом строе, ибо не может быть идеализма в душе тех, кто, исходя из холодного расчета, оправдывает жестокости, совершаемые над безвластниками повсюду, от русской Сибири, под властью коммунистов, до аргентинской Сибири, Патагонии, под властью креолов — капиталистов. Таким бразом, путь либертарного прогресса в Испании усеян многими препятствиями, он не может указать на значительные победы при таких условиях, но за то он находится в самом разгаре суровой, непрерывной разрастающейся борьбы, богатой страданиями и жертвами, но богатой также и надеждами.

Совершенно невозможно измерить достигнутый прогресс фактами — вполне очевидными, но занимающими минимальное место даже в местной печати.

Провинциальные и окружные органы анархической печати, по разным причинам, также не дают полных и подробных сведений об этих фактах публике, среди которой много враждебных зрителей. Из всего этого иностранные корреспонденты выбирают лишь несколько сенсационных сообщений, а остальное обходят молчанием или сообщают о них в самых общих выражениях. В такой форме эти сообщения претендуют дать в немногих словах исчерпывающие суждения или оценки, но люди, действительно знакомые с положением дел, могут квалифицировать такие сообщения, как поверхностные, окрашенные партийным пристрастием, ошибочные, сбивающие с толку. Основою таких сообщений, разсылаемых по всему миру, по большей части являются или министерские и полицейские сообщения, посылаемые прессе, или же мнения, высказываемые в крупных органах печати, в столицах, где находятся два правительства — испанское и каталонское.

Ни одна из этих газет не пользуется теперь действительной независимостью. Три честных ежедневных газеты в Испании — барселонская «Солидаридат Обрера», «Мадридская НКП» (Национальная Конфедерация Труда) и мадридская «Тиерра», орган передового федерального и социального республиканизма, безбоязненно становятся на сторону рабочих и высказываются против власти и привилегий, — эти газеты не привлекают к себе внимания лицемерных иностранных корреспонденетов, которые здесь, как и во всех странах, редко выходят за пределы официальных и полуофициальных источников информации, которые облегчают их работу, но в то же время более или менее глубоко или тонко влияют на них в интересах правительства. Что касается Испании, то на осведомление заграницей оказывают влияние также и монархисты, все еще не теряющие надежд на реставрацию.

Иностранные же журналисты из осторожности предпочитают не раздражать монархистов. Социалисты в их газетах, издающихся в других странах, становятся на точку зрения безусловно дружественную испанскому правительству. Они и не могут иначе относиться к министерству, с

самого начала и до сих пор имеющего в своих рядах трех социалистических министров. Коммунистическая печать повсеместно все еще отстаивает ту функцию, будто коммунисты в Испании — или вернее одна из коммунистических разновидностей (сталинцы, троцкисты и третья группа) — являются какой-то величиной, тогда как на самом деле сейчас с ними считаются меньше, чем когда бы то ни было, они фактически ничто и занимаются только поношением настоящих борцов и критикой народной борьбы. Иногда они поступают и хуже того, как например, в Севилье, где они начали убивать либертеров. Сведения, распространяемые синдикальными и анархо - синдикальными корреспондентами и посетителями, также, по моему мнению, насколько я могу об этом судить, окрашены личными взглядами авторов.

Такова окраска сведений об Испании во французской синдикальной печати того оттенка, который представлен «Пролетарской Революцией», органом Пьера Монатта и Р. Лузона, как и в печати, представляющей «чистый синдикализм» и т.д. Такие взгляды приводят их в соприкосновение с родственными элементами в Испании и они остаются в этом кругу, где привыкают недооценивать и частично игнорировать все, что происходит вне этого круга, как в стране вообще, так и в широкой либертарной среде.

Описывая эти затруднения для сведения людей, живущих в других странах, я стремлюсь дать им независимую и исчерпывающую информацию, но тем самым я обезцениваю то, что мог бы сказать сам. Я не рожден в Испании и не живу там постоянно. Я не имею возможности путешествовать по различным, резко отличающимся друг от друга территориям этой страны и беседовать с населением на местном языке. Но на моей стороне то преимущество, что я имею свободный доступ в среду, которая живет либертарными идеями наивысшего порядка и которая хорошо осведомлена. И еще другое преимущество на моей стороне: я занимался изучением истории испанских движений на протяжении всего их долгого развития, что дает мне некоторое мерило для оценки современных течений, для выяснения их силы и их направления. Быть может, это дает мне также возможность сделать полезные сравнения с однородными движениями в других странах.

Испания безспорно является страной, способной, а местами и жаждущей прокладывать новые и самобытные пути. Она была свободна от проблем европейской политики в продолжение более века, так как она не вмешивалась ни в одну из европейских войн после 1814 года. Соединенные Штаты, кроме того, освободили ее от почти всех ее колониальных проблем, от необходимости постоянно заниматься подавлением повстанческих движений на Кубе и Филиппинах. Франция, как преобладающая в Марокко держава положила конец мечтам Испании о завоевании в Северной Африке. Избыток населения в Испании все еще находит для себя свободный выход в редко населенных безпредельных территориях латинской Америки. Земледелие на юге, где климат ему благоприятствует, имеет надежду подняться на более высокий уровень, путем улучшения прогнившей системы земельной аренды, как, например, в Андалузии. Земледелие сможет, да и сейчас уже в состоянии, кормить промышленную часть населения. Нужда и притеснения местных властей держат широкие массы крестьян в состоянии постоянной готовности к возстанию. Здесь это настроение более сильно, чем где бы то ни было в Европе. Кроме того, здесь существует тесная связь между большими городами, малыми городами и аграрным населением.

Связь и солидарность между рабочими и крестьянами в Испании теснее, чем в других местах, за исключением Италии. Социальная пропаганда и начиная с конца 60-х годов, постоянные связи между организациями Интернационала и Национальной Конфедерации Труда усиливали

движение идей и поддерживали связи между значительными группами городских рабочих и крестьян. В сущности, каталонские рабочие и андалузские крестьяне являются становым хребтом сил анархистов и их надежд. Такими они были 60 лет тому назад, такими же они остатюся и поныне.

Далее, в Испании, как в государстве, центральное правительство всегда было надстройкой, тяжело давившей, вернее, сокрушавшей старые вольности, местные группировки и федерации. На протяжении 19-го века централизация французского образца навязана была парламентами и правительствами, но постоянно встречала противодействие со стороны федеральных республиканцев. Из их рядов вышли ранние социалисты. Находясь под влиянием антигосударственных идей Прудона, они восприняли анархо - коллективистические идеи в том виде, в каком их изложил Бакунин. Ознакомил социалистов с этими идеями один из ближайших товарищей Бакунина, итальянец Фандли, в 1868 году. С того времени и по сей день социалистическое движение, вдохновляемое этими идеями, продолжает в своей главной массе быть анархическим, несмотря на то, что, начиная с 1872 года марксисты основали соперничающую группу. Не будучи в состоянии разрушить главную организацию анархистов, или добиться господства над ней, эта марксистская группа систематически старалась вредить ей.

В настоящее время эта же группа через своих трех министров (один из них, министр труда, является секретарем марксистской организации) заключила союз с буржуазно - республиканским правительством, которое, в интересах государства и капитала, желает разбить крупную анархо-синдикальную организацию и пользуется для этой цели организованными марксистами, до их последнего человека. Ни тогда, когда короли Кастильи, после веков борьбы, добились господства над всеми независимыми государственными единицами Испании, ни тогда, когда всемогущая абсолютная монархия Карла V и Филиппов подавила всякое сопротивление в провинции, ни тогда, когда современное государство стало еще более централизованным в 19-ом веке, ни в настоящее время, когда нынешняя Республика, номинально даровавшая Каталонии автономию, но сохранившая за собою почти все главные прерогативы,—ни в один из этих моментов государство не было для народа чем-нибудь иным, чем безжалостным завоевателем, благодаря своему лучшему вооружению имевшим возможность подавить всякое местное сопротивление. Подобно тому, как в прежние времена руки государства достигали повсюду, так и в настоящее время, как только где нибудь начинает проявляться, развиваться местная самодеятельность и высказываются какие нибудь пожелания, республика, помимо изношенных от долговременного употребления орудий, в роде полиции, жандармов и армии, сокрушает местную самодеятельность с помощью новой организации, хорошо приспособленной для репрессий, так называемыми «ударными гвардейцами».

Их отряды имеются повсюду и посылаются в возстающие местности на автобусах по первому требованию. Это они в Казас Вьеяс «не брали пленных», сожгли и разстреляли крестьян, они же застрелили 17-тилетнюю девушку, убегавшую из горевшего дома: она упала, изрешетенная пулями, была оставлена на земле в агонии и умерла, восклицая: да здравствует либертарный коммунизм!» Испания ужаснулась, но правительственные социалисты оправдали и смягчили даже и это. Такие факты об'ясняют, почему издавна и по сей день народ Испании никогда не любил государства — за исключением социалистов — и видел в нем только безжалостного властелина. Поэтому никто — за исключением заблудившихся социалистов — не питает иллюзий о возможности «социального государства», социалистического государства, ибо ни один человек из народа никогда не видел

от государства ничего иного, кроме строгости и жестокости.

Обширная страна остается разделенною на территории различного физического строения, истории, народных привычек и местной жизни, народных языков и т. д. Ни одна из этих территорий не питает теперь вражды к соседям, не желает властвовать над ними. Поэтому автономия всех этих территорий, а равно и их федераций, была бы делом, само собой разумеющимся, если бы правительственный контроль был сломлен, и если бы влияние некоторых могущественных капиталистов потеряло свою силу. Каталонец, андалузец, кастилец, астуриец, баск, арагонец, валенсианец и др. представители населения являются настолько законченными типами, что никакой централизм не мог бы соединить их воедино, если бы независимость местной жизни позволила им достигнуть большого совершенства. С другой стороны, географические очертания страны, начиная от множеества райских местностей на юге, до обширных территорий центра и севера, где жизнь сурова, создали неравенство, а государство на протяжении веков ничего не сделало, что бы это неравенство смягчить, — например, нищету Андалузии, пустынность обширных районов в центре Испании. Только усилия местных людей, побуждаемых местными нуждами и располагающих местными рессурсами, могли бы помочь в этом деле. Между тем, в настоящее время местные продукты отправляются отсюда их капиталистическими собственниками, и чем благороднее почва, тем беднее оказывается народ, ибо весь продукт урожая отнимается у него и отправляется на богатые рынки.

Из всего этого следует, что здесь имеется большой район, требующий и настаивающий на том, чтобы возстановлена была местная независимость, как того требуют, в сущности, интересы всех партий — а таковою является анархизм, основанный на свободной Коммуне и на Свободной Ассоциации и федерации, как союзов производителей, так и союзов потребителей с производящими ассоциациями и местными коммунальными единицами ближайших и отдаленных мест. Совокупность этих новых добровольных соглашений теперь повсемесно именуется либертарным коммунизмом.

Всего два года тому назад, в апреле 1931, когда возникла Республика, эти народные желания не были еще формулированы в таком виде. Анархические идеи с 1868 года менялись и выдвигали то огромную федерацию ассоциаций, воплощавшую иерархию делегаций, советов и комитетов (коллективистический анархизм), то полное распыление на свободные группы без всяких взаимных связей (аморфическое истолкование коммунистического анархизма). От этого последнего наблюдались колебания в сторону крупного анархо-синдикального организма, (к которому теперь критически относятся анархисты, разсматривая его, как «синдикальное государство»). Эта пан-синдикальная концепция была в действительности тем же самым старым коллективистическим анархизмом. Это означает, что создавалась либо сверх-организация, либо суб-организация.

Всякие систематические соглашения по всяким вопросам, которые свели бы к нулю личную жизнь, или же отсутствие всяких соглашений — что могло бы подорвать производительность разумно организованной согласованности действий и сотрудничества. Анархизм этих двух крайних типов был анархизмом искусственных построений, созданных воображением, анархизм программ и платформ, книг и брошюр. Такие системы остановили бы дальнейшее развитие, оставаясь неизменными на подобие часов или машины, которые, будучи однажды составленными, уже не могут быть изменены, иначе потребуется принудительный аппарат и власть, чтобы дать этим системам обязательную силу. Принудительное же усвоение таких систем создало бы диктатуру и неизбежно привело бы к государству большевистского типа.

Начиная с 1920 года и вплоть до апреля 1931, все эти годы были годами жесточайших преследований, убийств и ссылок синдикалистов, диктаторского удушения общественной жизни синдикатов, годами изгнания, заговоров и тайной организационной работы, годами тяжкой полуоткрытой и открытой борьбы против издыхавшей диктатуры (1929) и издыхавшей монархии (1930). В эти годы не могло быть публичного обсуждения в широком масштабе синдикалистской схемы сверх-организации, хотя опыт большевизма уже много лет указывал на непрактичность таких огромных планов, осуществимых лишь там, где есть желание диктаторского режима, как готовность подчиниться ему.

В невысказанной, зародышевой форме такой режим действительно начал существовать внутри испанской организации в период 1920—1930 г.г., когда общественная жизнь и свободная критика, об'яснения друг с другом и истинное равенство были невозможны или встречали на своем пути препятствия в условиях вынужденной нелегальности движения. В такие времена большая часть дел и решений неизбежно попадают в руки небольшого числа доверенных лиц, которые могут действовать не иначе, как руководясь своими собственными суждениями. А так как они являются не более, как слабыми людьми, то их суждения зависят от их способностей и от влияний, которым они подвергаются. Поэтому они могут ошибаться. Члены широкой организации могут, таким образом, оказаться под неправильным руководством, или могут отказаться признать некоторые решения. Ни в коем случае организация, работающая при таких условиях, не может вполне успешно работать. Это об'ясняет, почему 14-го апреля 1931 года, когда рухнула монархия, рабочие организации оказались неподготовленными для борьбы. Падение монархии было подготовлено многими элементами, сотрудничавшими более или менее искренно и связанными множеством писаных или неписаных соглашений. Люди, пользовавшиеся доверием рабочих организаций, правильно или неправильно, не воздерживались от всяких сношений с другими анти - монархистами, ибо никто не мог предвидеть, что падение монархии случится именно 14-го апреля 1931 года, т. е., без окончательной тяжкой и кровавой борьбы. К такой борьбе все должны быть готовы и ни одна группа, взятая в отдельности, не была достаточно сильна, чтобы начать ее и вести до конца.

Таким образом, вопрос о возможности совместных действий против сильно вооруженных монархий был главным вопросом также и для рабочих комитетов, а вопрос о прямом действии рабочих против буржуазных партий, непосредственно после победы над монархистами был отодвинут на задний план.

Выражаясь точнее, этот вопрос был вовсе предан забвению многими из людей, пользовавшихся наибольшим доверием. Они, по крайней мере от своего собственного имени, обязались не вести такой борьбы против буржуазии в течение некоторого времени, в интересах поддержания и укрепления республики. В этом отношении они действовали очень неразумно и поступили еще хуже, не покончив с этой тактикой и продолжая ее еще в течение долгого времени, пока на них не было оказано достаточное давление. Таково было положение вещей в критические часы и дни 1931 г.

Этот личный режим, результат вынужденной нелегальности, а также отсутствие иных представлений, кроме сложных идей о «синдикальном государстве» или примитивных идей об аморфных группах, может здесь (поскольку я не ставлю себе задачи писать историю нашего времени) быть достаточным для об'яснения, почему «социальная революция» не была «сделана» в апреле 1931 года. Либо полная неудача и поражение, либо режим, грозивший стать диктатурой — таковы были в то время возможности в случае немедленного открытия борьбы. Участие же во власти, которая означала бы появление несколь-

ких « синдикалистских министров », было исключено в силу анархического духа и настроений рабочих. Руководясь своим великолепным здравым смыслом, они держались правила быть подальше от республиканского государства, подобно тому, как раньше держались вдали от монархии. Они использовали короткий период относительно сbooбдной общественной жизни для агитации и пропаганды, для организации и для многих других действий, необходимых для прямой борьбы рабочих. Помимо этого, им пришлось заниматься непроизводительной, но необходимой работой очистки движения от многих неподходящих элементов. Не говоря уже о борьбе со многими синдикальными уклонами и другими извращениями, они вынуждены были вести борьбу и с другими извращениями. Если припомнить, сколько преследований обрушилось на рабочих в 1931 году и как ясно новый народный либертарный коммунизм уже обрисовывался перед каждым в произведениях Фиго-льца и др. в январе 1932 года, и сколько новых попыток, еще более многочисленных, было сделано в январе 1933 года, то никто не может сказать, что это время было потеряно, что эволюция шла медленно. Лишь критики издалека высказывали такие суждения в некоторых странах, где ни одна душа не волновалась и не выступала в духе анархизма в последние годы.

В действительности, множество общих и местных вопросов стали перед испанскими организациями за последние два года. Эти вопросы показали, как тесно вся современная жизнь столь многих рабочих и их надежды связаны с этим анархо-синдикальным и анархическим движением, которое развивается совершенно вне государственной сферы и образует независимую, автономную часть общества. Много усилий сделано было, чтобы изгнать анархический дух из движения и ввести его в рамки строгого синдикального профессионального движения, толкнуть его в сторону политики, заставить его принять диктаторские методы, — но все напрасно. Эта защита против подобных внушений и попыток отняла много ценного времени, но была совершенно неизбежна.

Десять лет более или менее нелегального существования, в течение которых десятки тысяч лучших товарищей жили во Франции в изгнании, а сотни наилучших из них в тюрьме, и еще другие сотни наиболее активных были устранены путем казни в начале 20-х годов — все это увеличивало живучесть другого типа активистов, мало похожего на тот тип, который требовался новому свободному движению. К этим осторожным людям, склонным к рутине и хитрости, присоединились, после апреля 1931 года, люди огненного темперамента, которых не сломили ужасные тюрьмы, и многие из тех, кто во Франции и в Бельгии сумели сохранить неприкосновенными свои надежды и убеждения и вернулись с жаждою принять участие в напряженной революционной работе. Они нашли по возвращении режим рутины и хитрости. Им пришлось выступать против контакта с антимонархическими партиями, а это было не легко. Ибо новая республика в Мадриде и новая автономная государственная администрация Барселоны, так называемая «генералидад» Каталонии создавали почву для многих политических и очень материальных соблазнов, привлекавших некоторых слабых людей.

Это случалось чаще всего не в Мадриде, ибо там социалисты наложили руки на все, что привлекало охотников за должностями, почему их и принято теперь называть «энчуфадос», что означает «совместители» и «политические выскочки». Но в Барселоне, где непримиримые каталонские националисты, типа полковника Мacия, имели во время своего изгнания, а затем после возвращения по амнистии 1930 года много революционных связей с анархистами, — в Каталонии это случалось, особенно в дни расцвета нового режима, когда представители его пользовались действительной популярностью и всеобщим уважением. Эти активные ката-

лонцы сами были оттеснены каталонскими охотниками за должностями. Был создан новый правительственный аппарат, который не отличается и не может отличаться от бюрократии любого другого правительства. Вожди этой новой организации перестали быть политическими революционерами, социалистами же они никогда и не были, никогда не шли они дальше либерализма и радикализма. Однако они не желали быть подавленными и оттесненными большинством, состоявшим из каталонских клерикалов или реакционеров. Эта часть населения находится целиком в руках духовенства городов и деревень. Ее количественная сила во время выборов очень велика. Они пытались убедить Генеральную Конфедерацию Труда, чтобы она политически поддерживала их. А так как анархисты с презрением отворачивались от такой сделки, то клерикалы выступали против них, как смертельные враги. Они пытаются теперь наспех создать католическую национальную Рабочую Партию и недавно вошли в соглашение с политическими социалистами, злейшими врагами анархистов, и оказывают им содействие в Каталонии. Все эти махинации, расчитанные на завоевание должностей и парламентских мест, привлекли людей, ставших в настоящее время ренегатами и причиняющими всевозможный вред своим прежним товарищам. Но их уход приносит лишь облегчение оставшимся, ибо гораздо лучше когда не заслуживающее доверия лицо становится открытым врагом, чем когда такое лицо остается в организации в качестве ненадежного друга.

Не все, конечно, пошли таким путем. Некоторые честолюбивые люди остались. Повидимому, их расчет состоит в том, что в качестве отдельных перебежчиков они потеряли бы свой нынешний престиж, тогда как если бы они привели с собой значительную часть организации, то они продолжали бы быть силой и могли бы ставить свои условия. Их тактика состояла в том, чтобы обезкураживать, обезценивать и подрывать всякую решительную революционную борьбу активных членов организации, и, таким образом, изолировать революционеров. Таким путем им удалось создать впечатление, что виновники всех бед — те, кого они клеймят « экстремистами » (крайними левыми). Это было сделано во второй половине 1931 г.: была выпущена декларация, подписанная 30 очень известными именами, в том числе именами людей, пользовавшихся большим престижем и имевших в прошлом большие заслуги. Если они расчитывали, что целая лавина новообращенных последует за этими 30-ю инициаторами, то они сильно ошиблись: декларация вызвала отвращение и возмущение, и «трейнтиста», т. е. сторонник 30-ти, стало бранным словом. Они продолжали выступать в собственной газете, но ясно было, что они переоценили свое влияние и что они идут к неудаче, но потеряно было много времени и сил прежде, чем они в этом убедились. Теперь эти 30 и их сторонники сидят на полу между двух или более стульев и делают все возможное, чтобы снова завоевать себе точку опоры. Они надеются на то, что революционные активисты истощат свои силы в безпрестанной борьбе, что они все будут убиты или заключены в тюрьмы. Тогда 30 выдвинутся вперед и создадут партию умеренных, которые пойдут через политику к власти.

Приходится очень сожалеть, что описанные выше элементы, руководящиеся только честолюбием, получают все же некоторую моральную поддержку со стороны тех, кого считают «чистыми синдикалистами» и которые лично совершенно безкорыстны, но действуют, как закоренелые доктринеры. Они представляют в Испании и заграницей тот всепоглощающий перманентный, исключительный синдикализм, основы которого изложены в статутах и регламентах испанского Интернационала и федерации рабочих, существовавших с 1788 до 1870 г. Он вновь ожил во Франции в 90-х годах. Классическое, утопическое описание его можно найти в книге Пуже и Пато «Как мы сделаем ре-

волюцию» (1909). Он фигурирует в программе синдикальной организации Германии (1919), в Швеции и т. д. и нашел себе догматическое выражение несколько лет тому назад во французской книге Пьера Бенара. Одним словом, это — синдикальное государство, на окраинах которого может прозябать и анархизм, подобно тому, как цыгане прозябают на окраинах нынешнего общества.

При этом анархизм мог бы надеяться наследовать синдикализму, если бы непогрешимый пан - синдикальный организм исчез. Однако, внутри этой сложной всепоглощающей постройки или рядом с ней анархизм не мог бы иметь места. По своему весу, значению и уже в силу своей огромности такая организация представляла бы собою диктатуру и, очевидно, потребовала бы диктаторских методов управления. Поэтому испанские анархисты, хотя и безпредельно преданные своей национальной Конфедерации Труда, хотя и считающие ее одним из главнейших факторов в современной и будущей борьбе, вовсе не желают ,однако, чтобы она заняла место анархизма. Для них этот вопрос очень прост: кто, за исключением милитаристов, может желать, чтобы сражающаяся армия завоевала постоянную власть для себя и, в случае победы, сама стала бы новым государством или новым обществом? Нет, она должна разойтись по домам, как только ее дело будет сделано, иначе она положит начало новому деспотизму. Таким образом, синдикальные организации после свержения капитализма отойдут в сторону, а новые группировки производителей и потребителей сами наметят свой путь. Никто не должен мешать этому свободному развитию путем давления со стороны сил, организовавшихся при совершенно иных условиях. Старые организации никогда не должны стоять поперек дороги свободной эволюции будущего. Нынешнее преобладающее положение синдикализма, которое может служить реторическим аргументом, чтобы поднять престиж организации, является вместе с тем опасной фальшью, вносящей авторитарный элемент в новое общество.

Чистый синдикализм приносит, таким образом, действительный вред, ибо он подрывает значение анархизма и ничего серьезного не предлагает взамен. Это безплодный фактор, ни рыба, ни мясо, ни либертарная организация, но и не организация, стремящаяся быть авторитарной. Это просто книжное, безжизненное построение. Анархисты говорят все это чистым синдикалистам везде и повсюду, и это раздражает их против анархизма еще больше. Они тяготеют к умеренным, полуполитическим синдикалистам, готовым дать им приют у себя. Напрасно пытаются они в Испании заставить анархистов принять в качестве слегка инакомыслящих товарищей, тех, кого их разнообразные махинации уже давно поставили вне рядов товарищеской организации.

Такие попытки вызывают раздражение против них самих и пользы принести не могут. Они проповедуют также более упорядоченный синдикализм, — такой, который мог бы преуспевать в странах, где революционные возможности и необходимости не существуют. В Испании они существуют и всегда существовали там, и трава никогда не росла на поле брани, где ведут борьбу организованные рабочие и революционные организации. Поэтому всякие советы, указанного свойства безполезны и напоминают лишь о методах Плеханова и меньшевиков, которые упорно отстаивали мысль, что капитализм в России иначе, и вероятно иначе произойдет стью, прежде чем можно будет думать о революции. Однако, она произошла в России иначе, вероятно иначе произойдет и в Испании, если только указанная выше тактика совместно с тактикой социалистов не ослабит анархизм. В последнем случаем мы будем иметь счастливую тройку: капитализм плюс социал-демократия плюс умеренный и доктринерский синдикализм — и тогда следующим шагом будет фашизм, который разобьет вдребезги социал - демократов плюс докт-

риненров - синдикалистов. Таким образом,так называемые «честные синдикалисты» вовсе не являются прогрессивным фактором и не могут ожидать, что анархисты перейдут к ним или хотя бы дадут им возможность применять свою тактику без помехи.

Что касается коммунистов, то они являются оппозиционной силой, но не делают никаких успехов в Испании. О них почти не говорят теперь, за исключением случаев, когда, как напр. в Севилье, они доводят партийную борьбу до такого ожесточения, что убивают анархистов - синдикалистов. Их дело было проиграно в Испании уже в начале 20-х годов, когда испанские и другие делегаты дали испанским организациям сведения о России из первых рук. После апреля 1931 года их угасающая деятельность оживилась на время, но не привела ни к чему. Они считают своей задачей клеветать на деятельность анархистов повсюду, где могут, но эта чисто отрицательная работа, пропитанная ненавистью и завистью, не привлекает им друзей и легко может быть отражена.

Но все эти противники в совокупности — не говоря уже о социалистах — разумеется, отвлекают много энергии и требуют от анархистов, которые являются единоличными участниками великой прямой борьбы против государства и капитала, больших усилий для отражения противников, пытающихся нанести им удар в спину. Однажды здесь возникла двухдневная генеральная стачка, об'явленная синдикатами национальной конфедерации труда 9-го и 10-го мая в знак протеста против возрастающих преследований их. Эта забастовка не имела другой цели и приняла значительные, но не подавляющие размеры, ибо не была задумана, как революционная генеральная стачка, от которой нет уже путей вспять и которая должна разразиться в один прекрасный день. Большая мадридская буржуазная ежедневная газета «Ла Воз» (10-ое мая) напечатала по этому случаю следующие многозначительные строки:

«... Всеобщий Союз Рабочих (социалистическая рабочая организация) вчера неудачно пыталась организовать забастовку в Мадриде и в большинстве городов Испании. Миллионы его членов отказались оставить работу. Они соблюдали примерную дисциплину, достойную удивления.

«Испанский социализм еще раз оказал большую услугу республике. Благодаря ему, анархические и темные движения И. А. Ф. (Иберийской Анархической Федерации) всегда кончаются нелепыми безпорядками.

«Ни один добрый республиканец не может не признать, что испанский социализм поддерживает республику существенным образом и с энтузиазмом, и что эта поддержка неоценима. В трудных случаях, напр. во время попытки устроить железнодорожную забастовку, в момент возстания в Тере (бассейн реки того же названия в Каталонии) и возстание террористов (анархистов) в минувшем январе (когда были сожжены крестьяне в Казас Вьеяс), — он помогал защите силами своих синдикатов и сумел изолировать социальную вспышку и помешать шайкам распространиться по опасным зонам»...

Это свидетельство о хорошем поведении, выданное буржуазией социалистам за защиту их против распространения анархического возстания, заслуживает быть напечатанным золотыми буквами, быть вставленным в рамку и помещенным рядом с портретом Карла Маркса в каждом социалистическом помещении, пока не придут когда-нибудь фашисты и не выгонят их, несмотря на такие свидетельства о мерзких услугах буржуазному строю.

Авторитарный социализм означает на деле лишь то, что власть пожирает социализм — сначала путем извращения его через изгнание свободы, затем путем превращения его в слугу буржуа. Когда этот слуга больше не нужен,то его выгоняют фашисты. Это неизбежное бездонное падение... Большая власть пожирает

меньшую власть подобно тому, как тот, кто сеет ветер, пожинает бурю. Чередование: социал - демократия — большевизм - фашизм являются неизбежной градацией изначального зла: внесения власти в социализм.

При таких условиях, благоприятствуемый старым и новым революционным духом и порывами 1931 год, а с другой стороны, встречая препятствия со стороны описанных выше враждебных сил на протяжении 1931 — 1933 г.г., это популярное понимание анархизма, именуемое «коммунисмо - либертарио», нашло себе выражение, получило распространение и начало применяться на практике, отчасти уже в 1932 году, еще больше в 1933 году и является первым самостоятельно выросшим анархизмом, ибо народ теперь понимает его, хочет его и любит его и стремится дать ему вид и форму. Народ восстает для его защиты, борется за него, подвергается за него пыткам и умирает за него.

Весною и летом 1931 года можно было, так сказать, присутствовать при рождении здесь этой идеи. Когда - нибудь я попытаюсь описать все это подробно. Здесь я только скажу, что для людей, обладающих опытом, провозглашенный в то время «чистый синдикализм» оказался настолько непрактичным и непривлекательным, что они стали искать возможности открыть путь для первых шагов грядущего настоящего народного движения и нашли его в форме автономного движения самого народа в местных коммунах. «Свободный муниципалитет» стал исходным пунктом. Здесь жители сами создавали соглашения о способах удовлетворения их непосредственных нужд и на этой основе создавали дальнейшие отношения с другими местностями или союзами производителей. Это предполагает значительное разнообразие начинаний, но основные потребности при этом удовлетворяются, а взаимное дружелюбие преодолеет несовершенства и недостатки. Эта идея была всенародно провозглашена и была оценена здравым смыслом народа. Это не был анархизм программ или комитетов, или статистических выкладок, это было попросту безхитростное взаимное соглашение местных жителей, которые хорошо знали друг друга. Никто из них не мог бы подчинить себе других, но все содействовали изо всех сил и будут так поступать дальше, если будут знать, что в этом заключается их собственный интерес, который одновременно является и интересом всей коммуны. Это было доказано опытами января 1932 и 1933 г. Местные затруднения были незначительны или их не было вовсе. Осложнения возникли только тогда, когда грубая, внешняя сила появилась в данной местности извне, подавила новую местную жизнь и прибегла к ужасающе жестокому обращению, пыткам, сжиганию и разстрелам, увозу и высылкам арестованных и т. д. Но эта дикая репрессия показала только, насколько опасным считается новое движение для старого режима. Народ чувствует, что находится на правильном пути.

Это движение действительно является новым, ибо оно должно принять новый вид и усвоить новый темп, во всех отношениях отвечающий местным условиям, а также воле и способностям участников движения. Нет больше того парализующего страха, который привязывает людей к программам и заставляет их бояться самых отдаленных последствий маленьких несовершенств этих программ. В статьях принято предостерегать против таких последствий, но в действительной жизни, когда дитя начинает учиться ходить, то оно спотыкается и падает десятки раз; тем не менее, дитя продолжает ходить. Так же обстоит дело с каждым маленьким начинанием: оно может отличаться от всех платформ и не нравиться ученым статистикам и экономистам; тем не менее, они являются школами народной коллективной борьбы, имеющими коммунистическую цель и развивающимися по либертарным линиям. Из этой анархической практики экономической производительности, все же

возникает дружеское сотрудничество. Синдикат полезен в этом деле, его члены будут местными начинателями новой, свободной жизни, но они не будут всепоглощающей организацией.

С самого начала они будут чувствовать, что они являются лишь частью коммуны. Это движение не родственно и советскому строю, ибо об'единения, которые возьмут дела в свои руки, разнообразны: отдельные лица, группы, синдикаты, большие или малые местные собрания, — все это смотря по тому, чего требует положение. Главное в том, чтобы такая деятельность зарождалась в недрах местного населения, из их инициативы и воли. Инициатива и воля такого рода начали существовать в Испании теперь во многих местах, главным образом на юг от Каталонии до отдельных частей Андалузии. Это движение разовъется. Его проявления встречаются все чаще на местах. В одном месте воля и инициатива участников этого движения проявятся в том, что все жители выходят и принимаются за обработку невозделанных полей. В другом месте соседи арестованных обрабатывают их поля. В одном месте они закрывают дом городского головы и обсуждают муниципальные дела сами, под зеленым деревом, а муниципальное здание становится школьным домом. Долой бюрократическую волокиту, правление чиновников! Недоверие к богатым монополистам и спекулянтам! Самоуправление и дружественная федерация, прямой обмен услугами! Все это показывает, что в этой стране долгая неподвижность народа миновала, он жаждет теперь борьбы и стремится к социальной справедливости. Его воодушевляет желание свободы. Многие совершенно убеждены, что они найдут то, чего желают, лишь путем организации своими собственными силами — Анархии, «Коммунисмо - либертарио».

В качестве посредника между народом и Национальной Конфедерацией Труда мы находим И. А. Ф. (Иберийская Анархическая Федерация), — группы анархистов, работающих внутри Г.К.Т., но также путем прямой анархической пропаганды в связи со многими местными культурными центрами, т. е. с клубами, с устроителями лекций, с организаторами читален, с малыми кооперативами и т. д., где передовые рабочие маленьких местечек собираются по вечерам слушать лекции и т. д. И. А. Ф. воплощает собой тот живой вдохновляющий дух, без которого большая организация остается безжизненным соединением людей, едва знающих друг друга и находящихся под наблюдением бюрократических чиновников, обычно считающих себя гораздо выше толпы. И. А. Ф. еще больше ненавидима и преследуема, чем Г. К. Т., именно в силу этой активности и подвижности ее, именно потому, что она зорко следит, чтобы доктринеры, реформисты, честолюбцы и другие вредители не отвратили бы Г. К. Т. от ее прямых задач. В этом отношении существует параллелизм функций между нынешней И. А. Ф. и бакунинским Альянсом, принципы которого так успешно применялись в испанской «Альянца», основанной весною 1870 года. Впрочем, я не стану углубляться здесь в этот вопрос.

Таковы главные факторы теперешней испанской либертарной жизни. По сравнению с прежним положением вещей, здесь достигнут осязательный прогресс. Движение отличается цельностью, разнообразием, гибкостью и, прежде всего, неутомимостью, преданностью и бесстрашием. Анархистов в Испании следует считать, в большинстве случаев, целыми семьями, ибо жена и дети, молодые юноши и девушки, все ростут вместе в анархической среде и живут и умирают за свои идеи. Их судьба зависит ежечасно от всяких случайностей. Бывают митинги, на которых присутствуют десятки тысяч в огромных зданиях, оставшихся от выставки 1929 года. Здесь платформа помещена в центре обширного зала, но голоса ораторов не могут достичь последних рядов слушателей. В маленьких захолустных городах на лекциях бывает от 1500 до 2000 человек, многие из которых приезжают издалека, на грузовиках, нанимаемых группами, или на

лодках. Слушатели состоят из городских и сельских рабочих, из крестьян, пастухов и рыбаков. Все они жаждут познакомиться друг с другом, все занимаются производительным трудом, поддерживающим в них подвижность ума.

Безработица есть, но ее переносят бодро, в том смысле, что здесь не доходят до того состояния отчаяния, когда люди готовы следовать за демагогами и диктаторами. Кризис коснулся также Испании, но в то время, как он поверг другие страны в хаос и вызвал там «фашизацию» общественной жизни, в Испании этого не случилось, ибо здесь слишком хорошо знают, что от усиления власти правительства ничего хорошего ждать нелъзя. Международные экономические отношения тяжко давят на Испанию, главным образом, в форме иностранных компаний с их концессиями и монополиями, сокрушающих местную конкуренцию. Ослабление и уход этих иностранных компаний были бы облегчением для испанского народа, сознающего, что он в состоянии вести своими силами независимое народное хозяйство. Все это вызывает в народе надежду и питает уверенность в своих силах, которая передается и рабочим. Они настроены более интернационально, чем в большинстве других стран, ибо у них нет национальных и иных споров с другими народами. Но они резко критически относятся к тому, что происходит во Франции, Германии, Италии, России, Англии и Соединенных Штатах, имеют обо всем свое собственное суждение и не соблазняются, а скорее отталкиваются тем, что происходит за-границей.

Кортесы (Палата Депутатов) были избраны в убеждении, что они выработают конституцию новой республики и территорий, требующих для себя автономного управления, особенно для Каталонии, Галиции и территории басков, а также, по возможности, для Арагона, Валенсии, Андалузии и т. д. Но Кортесы все еще совещаются. До сих пор существует правительство почти того же состава. Каталонский статут вотирован и ныне обсуждается новым каталонским парламентом. Никто, таким образом, не спешил. Кортесы и правительство порядком надоели. Их разлагают партийные интриги. Возможно, что к тому времени, когда эти строки будут напечатаны, правительство будет сменено, но никто не ждет лучшего от этой смены. Только социалистическим министрам придется уйти, но, может быть, только для того, чтобы войти через другую дверь. Последние два года показали, до какой степени общественная жизнь сосредоточивается на местах и как мало она получает от искусственного центрального правительства. В парламенте много отдельных политиканов со своими кликами друзей и последователей. Они очень подробно раз'ясняют, в чем именно они друг от друга отличаются почти в любом вопросе, но они неспособны к сотрудничеству, и потому испанский парламент не работоспособен. Вся власть сохраняется за правительством, действия которого почти всегда одобряются коалициями, из которых составляется првительственное большинство. Социалисты, независимо от нынешнего большинства, оправдывали все, что случалось после апреля 1931 года и одобряли самые кровавые акты социальной репрессии. Это окончательно дискредитировало их.

Таким образом, после двух лет обновленной общественной жизни, положение мало изменилось. Государственники, буржуа и социалисты, оказались неспособными к творчеству. Им только удалось охранить жизнь Республики против монархистов и клерикалов, — по всей вероятности, без серьезной борьбы как с теми, так и с другими, — но сами они стали не менее их жестокими и кровожадными в глазах либеральных и либертарных элементов, рабочих и крестьян, против которых они посылают жандармов, гражданскую гвардию, разрешая им стрелять и убивать, как только из толпы бросят несколько камней в них. Они создали так же «ударную гвардию» («гвардия де ас-

сальто») безжалостных псов власти, которая разгоняет и избивает участников мирных митингов, или толпы, почему-либо нежелательных для властей. Это вызвало полное отчуждение управляемых от управляющих и, как я уже пытался обрисовать, народ начинает отделять себя от всего нынешнего строя. Я знаю, что это происходит пока в малом масштабе, и что это движение требует опоры в активности крупных центров, где не существует такой сплоченности, какая отличает провинцию. Но новые формы будут найдены для такой деятельности, и иностранные наблюдатели должны учиться в Испании, а не учить. Им не следует подчеркивать то, что существует в других странах, где имеется систематизированное рабочее законодательство. Испания, в сущности, не отстает, как думают многие, а идет впереди, ибо стала на этот путь, можно сказать, на целый век раньше других наций: спасения она искала в подлинной свободе и солидарной федерации, в то время, как в других странах государственность, империализм, централизм стали фетишами целых наций, включая большинство их социалистов. Никто не может предвидеть, как быстро пойдет дальнейшая дифференциация и когда она получит более острое выражение. Факт тот, что она на лицо, что ее внутренние силы постоянно в действии. Результаты скоро скажутся.

Живя вдали от Испании, мы вынуждены строить свои выводы на отрывочных фактах, извращенных и окрашенных пристрастием. Нам приходится остерегаться ошибок при изучении истинного характера событий. От самых поражающих фактов мы не должны умозаключать к близости революции и спрашивать, почему ее еще не «сделали». Зато самые малые факты часто показывают, как постоянно растет революционный дух. Многие факты стали уже привычными, и их не замечают более, но они, все-таки, здесь на лицо.

Великие перемены подготовляются везде; но там, где царствует властнический дух, эти перемены ведут от плохого к худшему и приводят к фашизму, тогда как в Испании эти перемены приведут, повидимому, от худшего к лучшему, от рабства к братству, от оков, наложенных на свободу мысли, к освобождению людей от их цепей. Да будет эта начинающаяся либертарная эволюция ободрением для тех, кто вынужден жить в скованных льдом авторитарных странах всех континентов!

14 мая 1933 г. **М. НЕТТЛАУ.**

Мое вдохновение

В своих стихах я вдохновлялся всеми,
А в песнях я лелеял цель одну:
Безчисленные человечьи семьи
Соединить в единую семью.
И в честный мир для всех открыть дорогу,
Чтоб каждый мог свой труд земной любя,
Отринув страх и рабскую тревогу,
Создать свой мир и в нем раскрыть себя;
Чтоб каждый мог в содружестве, в артели
Явить свой труд без власти и оков;
Чтоб вольный дух царил в свободном теле,
Под дружный стук машин и молотков.
В своих стихах я вдохновлялся всеми,
А в песнях я лелеял цель всегда:
Бесчисленные человечьи семьи
Соединить под знаменем труда.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

Положение фармеров в Америке

Американские фармеры, как и все общество, делятся на богатых и бедных. Промежуток между этими двумя крайностями занимают середняки, из которых одни, в свою очередь, побогаче, а другие победнее. Поэтому, говорить о фармерах, как о чем то целом, было бы большой ошибкой. Всегда нужно иметь в виду, что есть фармеры - эксплоататоры и фармеры-эксплоатируемые.

В данном случае речь будет идти о последних.

Было время, когда американские фармеры преуспевали. Особенно во время войны, когда спрос на сельско-хозяйственные продукты был большой, количество зажиточных фармеров увеличилось. В последнее же время «прогрессия» пошла в обратную сторону: от богатства к нищете. Многие фармеры, недавно считавшиеся зажиточными, обеднели, те же, кто во время «просперити» был беден, — совсем разорились. В общем, даже по мнению буржуазных экономистов, зажиточное фармерское население в настоящее время составляет не более 20 процентов; остальные 80 процентов — нищета.

Положение бедного фармера чрезвычайно тяжелое. Даже городской безработный не всегда согласится поменяться ролями с фармером - бедняком. У восточных народов есть басня о двух голодных лошадях, одна из котрых идет налегке, а другая тащит на себе груз. Городской безработный — это лошадь, идущая налегке, а бедный фармер — лошадь, везущая тяжесть. В силу сложившихся социально-экономических условий, фармер вынужден держать на своей спине целую свору разных тунеядцев, которые не сеют, не жнут и тем не менее обильно свои житницы наполняют. Все же нити, по которым социальные пиявки сосут кровь из общества, в конце концов скрещиваются на теле фармера. Землеробу приходится в конечном итоге расплачиваться за все грехи современного строя. Занимая самую нижнюю ступень в структуре общества, он принужден других кормить, а сам голодать.

Махровым цветом распустившаяся депрессия немилосердно хлестнула американских фармеров. Цены на сельско-хозяйственные продукты с головокружительной быстротой понеслись вниз. То, что раньше приносило фармеру, скажем, 5 долл., теперь с трудом может дать 50 сентов. Спрос на фармерские продукты до того сократился, что фармеру далеко не всегда удается сбыть свой товар даже за бесценок. В общем, все те источники, откуда фармер черпает средства на существование, с'узились до минимума.

Нельзя, однако, этого сказать относительно расходов фармера. Налоги, например, за последние годы не только не уменьшились, но, наоборот, увеличились. Административный аппарат, как федеральный, так и штатный, с каждым годом разбухает, и поэтому все теснее и теснее затягивают петлю на шее фармера. Не сказка, а быль, что в некоторых штатах около 40% всей фармерской земли очутилось в руках администрации. И все это за неуплату налога! Разжиревшему чиновничеству нет дела до того, что фармер корчится в тисках нужды, питаясь иногда по целым неделям одной картошкой и капустой. Чиновничество требует свое: плати налог! И если землероб не в состоянии внести требуемой суммы, его бесцеремонно удаляют с насиженного места, и никуда он после этого не может пойти пожаловаться, ибо все сделано на основании закона... того самого закона, в создании которого фармер не принимал никакого участия, но все тяжести которого он несет на своей шее.

Кроме налогов, фармеру не мало забот представляет покупка семян, удобрения, сельско-хозяйственных орудий и лошадей, если таковых он почему либо лишился.

Прошлой весной, например, пара самых посредственных лошадей стоила 300 долл. Для обсеменения 25 акров земли нужно было заплатить не менее 100 долл. за семена. Рассада (помидоры) стоила 10 долл. за тысячу штук. (Бедные фармеры в большинстве случаев не имеют своих парников, поэтому вынуждены покупать рассаду у разных спекулянтов). Одним словом, все то, что приходится покупать фармеру, нисколько (или очень мало) не подешевело за время депрессии.

**
*

Депрессия, однако, не единственная причина фармерского неблагополучия. Корень зла приходится искать гораздо глубже, — в самой основе современного меркантильного строя. При существующих порядках, как известно, не нужно обладать особенно крупной суммой для приобретения фармы. Если человек, предположим, имеет две тысячи долларов, то он во всякое время может купить фарму стоимостью в 12 тысяч. На первых порах это кажется большой привилегией для покупателя. Приобрести 12-титысячное хозяйство, имея в кармане всего лишь две тысячи, — что же может быть лучше?! Именно этим многие прельщаются, а затем жестоко расплачиваются за содеянную ошибку.

Продажа фарм в большинстве случаев происходит посредством специальных агентур. Последние не скупятся на рекламу. Они выпускают по несколько раз в год фальшиво иллюстрированные каталоги, в которых обещают человеку чуть-ли не рай небесный на фарме. Их агенты — специально тренированные — снуют по всем уголкам города, сосредотачивая свое внимание, главным образом там, где ютится иммигрантское население. Пришлому элементу в силу своей доверчивости трудно устоять перед заманчивой перспективой, рисуемой выхолощенным агентом, особенно если у него (пришлого элемента) скопилось несколько долларов про черный день.

Этим и об'ясняется почему среди фармерского населения значительный процент составляют иммигранты.

Сделка закончена. Вертлявый агент, получив свои комиссионные, исчезает со сцены. Купивший землю начинает с особенным рвением работать на ней, надеясь в самый короткий срок выплатить фарму. Его радужным чаяниям нет конца. Он рисует себе самое заманчивое будущее. Увы, проходит год-два-пять-десять лет и фармер воочию убеждается, что он попался на удочку. Втечение десяти лет он аккуратно платил проценты по закладной, превратил пустыри в цветущие поля, и тем не менее хозяином фармы является не он, а держатель закладной. Достаточно фармеру на одиннадцатом году не выполнить какого-либо каприза держателя закладной и он лишается всего: фармы, вложенного в нее труда, денег, уплаченных в виде процентов по закладной, и той суммы, которая была внесена в качестве первого взноса. В этом заключается главная трагедия американского фармера. Беда в том, что держатель закладной располагает неограниченной свободой. Он может сосать кровь из фармера до тех пор, пока ему вздумается, а затем в один прекрасный день взять и вышвырнуть злополучного землероба в том, в чем его мать народила.

Для примера предположим, что фарма стоит 10,000 долларов. Купивший ее вносит две тысячи, а остальные восемь тысяч под закладную. В течение десяти лет фармер, уплачивая ежегодно проценты, выплатит 4,800 долларов, плюс 2,000 первого взноса, итого 6,800 долларов. Выплачена большая половина стоимости фармы. Это, однако, не принимается в расчет. Держатель закладной может в любое время выгнать фармера на дорогу, не возмещая при этом ни сента из уплаченных фармером 6,800 долларов.

Одним словом, все права на стороне держателя закладной ,а на стороне фармера только обязанности. Вот почему «привилегия», дающая возможность человеку, располагающему небольшой суммой денег, приобрести дорогостоющую фарму, в кон-

це концов превращается в форменный грабеж.

**
*

Вопрос о фермерских закладных в последнее время вызвал много толков, как в Вашингтоне, так и в штатных столицах. Было внесено на рассмотрение свыше ста разных проектов о помощи фермерам. Но... воз и поныне остается там. Фермеры до сих пор никакой существенной помощи не получили. Правда, правительство уполномочило федеральный банк выдавать фермерам деньги на погашение закладных. Не только буржуазные, но и некоторые рабочие газеты об этом слишком много писали, подымая тем самым престиж властей.

В чем же, однако, заключается эта помощь? А вот в чем. Почти во всех фермерских районах появились представители фермерского банка, к которым фермерам и надлежит обращаться за помощью. Представитель, как и подобает чиновнику, является в свою контору около 10-ти часов утра. К этому времени в приемной скопилось уже много фермеров, чающих «возмущения воды». Каждому фермеру предлагается для выполнения особая анкета, при чем взимается 20 дол. «на расходы». Выполнив анкету, фермер возвращается домой и начинает мучительно ожидать того часа, когда на его ферму изволит прибыть представитель банка. Наконец в один прекрасный день — по прошествии двух-трех недель после заполнения анкеты — появляется представитель и приступает к осмотру фермы. Осмотр в большинстве случаев заканчивается тем, что представитель находит ферму в плохом состоянии и на этом основании отказывает фермеру в выдаче пособий, но отнюдь не возвращает назад тех 20 дол., которые фермер уплатил при заполнении анкеты.

Таким образом, фермер вместо помощи, лишь теряет лишних 20 долларов.

Для того, чтобы получить помощь от федерального банка нужно, чтобы ферма стоила не менее 10-ти тысяч и чтобы прошлогодний ее доход составлял по крайней мере треть стоимости фермы. Иными словами говоря, помощь доступна только более-менее зажиточным фермерам, которые, собственно, и не нуждаются в ней. Бедняки же, подобно некрасовским мужикам, потоптавшись у парадного крыльца федерального банка, уходят с голыми руками, оставив в карманах чиновников 20 долларов, быть может, в спешном порядке занятых у какого-нибудь ростовщика под высокие проценты.

Этот факт еще один лишний раз свидетельствует как «пекутся» законодатели о «малых сих». Они издают иногда законы якобы в интересах бедного населения, но с такими оговорками, что бедняк, вместо пользы, несет лишь убытки от этого.

А вот еще одно подобное же явление. Губернатор штата Нью Иорк, играющий на доверии широких народных масс, рекомендовал недавно штатной законодательной палате одобрить постановление, в силу которого держатели закладных не имеют права до 1-го июня прогонять фермеров с ферм. Как и следовало ожидать, рекомендация губернатора снабжена «маленькой» оговоркой, гласящей, что это новое постановление будет касаться только тех фермеров, которые исправно платят проценты по закладным и налоги. (Как будто исправно платящим фермерам угрожает какая-нибудь опасность). Тех же фермеров, которые не в состоянии исправно платить и которые как раз и нуждаются в помощи, проект губернатора обходит.

Характерно тут еще то, что проект истекает 1-го июня. Всем известно, что в это время фермер гол как сокол. Доходной частью года у фермера считается осень и конец лета. Зимой фермер проживает то, что заработал за лето; весной расходы увеличиваются в связи с посевной кампанией; и вот когда приходит 1 июня, у фермера за душой нет ни копейки. Губернатору, несомненно, все это известно, поэтому он и избрал 1-е июня сроком окончания нового закона. Если бы проект истекал, скажем, 1-го октября, фермер свободнее разговаривал бы со своими

кредиторами, но первого июня он будет всецело во власти держателя закладной. И последний поступит с несчастным фермером так, как ему заблагорассудится.

Как же после этого можно не сомневаться в фальшивости проекта? Уж слишком очевидно, что проект направлен в защиту интересов держателей закладных. Помощь фермерам тут выставлена просто как ширма, в сущности помощь получат те, из-за кого фермер проводит ночи без сна.

Теоретически об этом зле — закладных — можно много рассуждать, практически же тут только один может быть совет, касающийся главным образом тех, кто думает заняться сельским хозяйством: как огня бойтесь закладных! Приобретайте только то хозяйство, которое вам по плечу и по карману!

***

Если держатели закладных душат фермера за глотку, то другая категория лиц занимается вырыванием из рук землероба уже готового куска хлеба. К этой категории относятся всевозможного рода посредники. Тут нужно сделать маленькое отступление и проследить за ходом работы фермера.

Прежде всего, фермер пашет, затем боронит, потом сеет. Словами это легко передать, но не легко на деле сделать. Каждая пядь земли оросится потом фермера, прежде чем почва станет пригодной для посева. Наконец, семя посеяно. По религиозному толкованию, фермеру больше нечего делать: все заботы возлагаются на бога. Фермер наших дней, однако, знает, что если надеяться исключительно на бога, то придется нагишом ходить. Поэтому он за посевом смотрит, как за малым ребенком, — поливает его, культивирует, удобряет, борется с вредителями, которых, кстати сказать, очень много на американских полях. Его пугает каждая тучка в непостоянную погоду, в засуху же он готов, если бы мог, заслонить чем-либо солнце, выжигающее его всходы. Он хочет, чтобы природа была аккуратна ,т. е., чтобы не было ни сильной жары, ни холода, чтобы нормально проходили дожди и т. д.

Увы, природа не всегда снисходительна к фермеру. Иногда по целым неделям не упадет ни капельки дождя, иногда же дождь льет подряд несколько дней. Городского жителя мало это беспокоит, но фермер тревожится при малейшем отклонении природы от нормы. Подобно древним дикарям, создававшим фетишей из явлений природы, фермер живо реагирует на все природные капризы. Его взор всегда устремлен на небо: нет ли там грозного предвестника, его мысль полностью поглощена судьбою посеянного.

В конце концов, после долгих хлопот и забот, плод созревает. Наступает уборка— самое страдное время для фермера. Тут уже некогда думать о пище и сне.Нужно спешить, ибо плод перезреет и будет забракован на рынке. И фермер спешит. Встает в 3 часа утра, ложится в10 час. вечера. Не 8-ми, а 18-ти часовый рабочий день.

Наконец плоды собраны и доставлены на рынок. Вот тут-то и выступает на сцену перекупщик. Он берет из рук фермера готовый продукт и передает его потребителю. В этом и заключается вся «работа» перекупщика. У одного возьмет —другому передаст. Больше он ничего не делает. И тем не менее он снимает все сливки с урожая, оставляя фермеру лишь жиденькую водицу. И фермер покорно хлебает эту водицу, ибо не знает как обойти посредника. Последний — некоронованный король рынка. Он регулирует цены на сельско-хозяйственные продукты; он может разорить или осчастливить фермера. Так как последнее не в интересах посредника, то он дает фермеру лишь столько, чтобы тот мог концы с концами сводить.Сразу убивать фермера, живым закапывать его в могилу посредник никогда не станет. И не в силу великодушия, а просто из-за коммерческих расчетов. Нужно же кому-либо выращивать сельско - хозяйственные продукты. Самый безжалостный хозяин не хочет, чтобы его кляча пала, — наоборот,

он желает, чтобы она беспрерывно тащила плуг, и поэтому время от времени бросает ей горсть худосочного сена. Посредник смотрит на фармера, как на свою клячу и то-же бросает ей горсть сена. И горе тому фармеру, который вздумает вступить в препирательства с посредником. Его немедленно занесут на черную доску и начнут бойкотировать его товары. Кстати, подобные Лютеры очень редко встречаются среди фармеров, большинство из них «правоверные католики», беспрекословно выполняющие волю своего «папы»-посредника. Конечно, вышесказанное относится только к бедным фармерам. Богатые посредников не страшатся, так как во многих случаях сами являются таковыми.

***

Нет ничего легче, как сваливать вину на других. Можно без конца перечислять врагов фармера, тем или иным путем грабящих его труд. Но... это будет только одна сторона медали. Думать, что все бедствия фармера проистекают исключительно по воле других — не совсем верно. Во многих своих невзгодах фармер в значительной степени сам же виноват. Нигде нет такого разнобоя в понимании своих интересов, как среди фармеров. За весьма редким исключением, солидарность —неслыханная вещь между фармерами. И, быть может, не по вине фармеров, а просто в силу сложившихся обстоятельств.

Каждый фармер—прежде всего собственник (правда, номинальный во многих случаях). В силу этого, он смотрит на своего соседа, как на конкурента. Американцы вообще по своей природе люди с замкнутыми душами, обладание же тем или иным видом имущества лишь углубляет их отчужденность. Пусть случится у одного фармера какое-нибудь несчастье—падеж скота или гибель урожая... Думаете, другие пожалеют об этом?... Ничего подобного! Каждый в душе будет радоваться, думая, что теперь он больше заработает.

Вот это — отсутствие сознания общности интересов — самый страшный бич среди фармеров. Если бы фармеры были об'единены и действовали сообща, они так громко не стонали бы. Они легко могли бы обойти посредников, создав свой ссыпной пункт и специальный аппарат для пересылки продуктов в города. Они также могли бы иметь огромное влияние на законодателей. Ведь в конце концов фармеры составляют около половины населения всей страны. Это огромная сила. Но беда, что эта сила — развязанный веник, который по прутику ломается даже от прикосновения ребенка.

Не поэтому ли бывший царский министр Столыпин и являлся таким ревностным сторонником расселения русских крестьян на хутора?

Пространство — самое верное средство для изоляции человека. Живя отдельно от других, фармер погружается исключительно в свои мелкие хозяйственные заботы. Его интересует только то, что находится внутри его владений. Кругозор его с'уживается до минимума. Дальше ограды своей фармы он ничего не видит, а если и видит, то в превратном свете. Он иногда посещает своего соседа ,осматривает его урожай и в глубине своей души думает: «вот было бы хорошо, если бы весь его урожай пошел прахом». Зависть окончательно полонила фармера. Правда, есть и среди фармеров об'единения. Существуют клубы, лиги, комитеты, союзы и т. п. Но все эти об'единения создаются исключительно с какой-либо специфической целью: для закупки удобрения, например, посылки делегации куда-либо и т. п. И коль скоро цель достигается, об'единение прекращает существование. Кроме того, об'единения эти охватывают самую незначительную часть фармеров и при том наиболее зажиточных, которые и в одиночку сильны. Бедное же фармерское население живет и действует кто как может. Даже на рынке, где фармеры по неволе приходят в соприкосновение, нет единства. Если один фармер, скажем, просит доллар за бушель фасоли, то другой фармер продаст такую же фасоль за 75 центов. Спе-

кулянты весьма ловко пользуются этим для снижения цен: купив у одного фармера дешевле, они и другим предлагают ту же самую цену.

Весьма выпукло при этом выступает ложь. Ни один фармер не скажет своему соседу точной суммы, за которую он продал свои продукты. Обязательно увеличит сумму для того, чтобы ввести соседа в заблуждение. Пользы от этого, конечно. никакой он не извлечет, но такова уж сила искалеченной психологии человека.

Подхалимство и пресмыкательство перед своими социальными врагами — посредниками — цветет пышным цветом. Если одному фармеру случится заспорить с посредником, другой фармер обязательно станет на сторону последнего, думая тем самым сделать его (посредника) своим постоянным покупателем. Не исключаются и взятки. Все пускается в ход с тем расчетом, чтобы свой товар продать, а товар соседа, чтобы остался непроданным.

Пожалуй, это все мелочи, но из этих мелких штрихов складывается вся «натура» фармера. Чуть ли не на каждом шагу он себе желает добра, а другим—зла. И в конечном итоге зло пожинают все фармеры, ведущие скрытую борьбу между собою.

Приходится еще раз повторять, что, быть может, все это происходит не по вине фармеров, а в силу сложившихся обстоятельств. Живет фармер в глуши, закопавшись в свои повседневные заботы. С внешним миром, правда, он связан телефоном, электричеством, радио, автомобилем и т. п. Но ведь это все техника, от которой живого слова-правды не услышишь. Вот это то отсутствие живого слова-правды и толкает фармера по наклонной плоскости. Где-то ведется пропаганда, говорят умные речи, пишут правдивые статьи, но все это до фармера не доходит. На митингах он не бывает, книг и литературы не читает. Газета, при том буржуазная, единственная «литература», которую он иногда просматривает. Приходится ли после этого удивлятся извращенности психологии фармера?

Основатель ислама когда-то сказал, что если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Этим советом следовале бы воспользоваться всем тем, кто сеет свет и истину. Ожидать пока фармеры придут и скажут: «вразумите нас» —так же наивно, как наивно было бы ожидать Магомету пока придет к нему гора. Фармеры слишком окутаны рутиной, сами они с места никуда не сдвинутся. К ним нужно подойти и заговорить с ними на понятном им языке.

Весьма отрадным в этом отношении является принятое на недавнем с'езде американскими анархистами решение, гласящее о необходимости усиления анархической пропаганды среди фармеров. В добрый час, товарищи! Поле деятельности в этой области широко. Есть где размахнуться.

***

В заключение следовало бы сказать несколько слов о том, возможно-ли восприятие американскими фрамерами анархических идей. Если понимать анархизм исключительно как идеал, при том слишком возвышенный и ослепительно красивый, то нет сомнения, что он окажется недоступным для большинства фармеров. Но если анархизм облачить в реальные формы, гласящие, что фармер должен бесплатно владеть землей и иметь полное право на продукт своего труда, то такой может быстро привиться среди американских фармеров. Правда, здесь будет отдана значительная доля «чревоугодию», но этого не следует бояться. Пропаганда такого идеала, как анархизм, должна отличаться максимальной эластичностью: в одном месте она должна принимать одни формы, а в другом—другие.

Американский фармер, как и всякий косный элемент, слишком упорно держится того понятия, что лучше синица в руках, чем журавль в небе. И этого понятия сразу, одним взмахом, не вышибить из головы фармера. Тут предстоит продолжи-

А. А. КАРЕЛИН.

Задачи социальной революции

Раз только масса трудящихся поднимет социальную революцию, всеобщая забастовка явится очень удачным началом такого движения. Она создаст подходящее протестующее настроение и ослабит вражеские силы.

Тем не менее, восстание крестьян или рабочих (или тех и других вместе) может начаться и раньше, чем вспыхнет всеобщая забастовка. В таком случае восстание должно быть немедленно поддержано всеобщей забастовкой.

Во всех случаях такая забастовка должна носить революционный характер: необходимо «снимать» работающих и пустить в ход революционный саботаж. Во время революционной всеобщей забастовки должна быть прекращена работа во всех предприятиях, пользующихся трудом наемников.

Но дело не в одной только приостановке работы. Она приостананавливается для дезорганизации капитала и власти, но вместе с тем, раз мы хотим социальной революции, выпустившие орудия труда руки должны взяться за оружие. Революционная забастовка должна совпасть с вооруженным восстанием. Не надо терять ни одного дня. Не надо давать врагам времени для организации еще большего сопротивления, чем то, которое они могут развить немедленно. При нападении враг может застигнуть врасплох.

Забастовка сразу же должна слиться с восстанием, так как не так то легко превратить мирную, хотя и всеобщую забастовку в борьбу за полное самоосвобождение трудящихся. Конечно, правительство тотчас же введет осадные и военные положения, т. е. само разрешит себе всевозможные злодейства. Оно будет обманывать, распускать слухи об измене части бастующих и о возобновлении работ, об упадке духа забастовщиков, будет клеветать, об'явит мобилизацию железнодорожных рабочих и электро - техников, употребит все усилия, чтобы сломить забастовку. Не надо давать ему времени на все это, надо тотчас же перейти в наступление. Прежде всего, работа должна быть приостановлена во всех тех предприятиях, бездействие которых повлечет за собой невозможность работать в многочисленных промышленных заведениях.

Так, например, необходимо приостановить добывание каменного угля, нефти, чугуна. Для той же цели, приостановки ряда предприятий — необходимо остановить железнодорожное и пароходное движение, прекратить действие почт и телеграфов. Хотя мы встречаемся с указаниями, что приостановка добычи угля и приостановка транспорта сразу лишает правительство ¾ его военной силы, но такой приостановкой нельзя ограничиться. Дружная всеобщая забастовка английских углекопов (1912 год) только постепенно приостанавливала работы на фабриках и заводах. Везде имеются большие запасы топлива. Было бы неблагоразумно утверждать, что произойдет немедленно повсеместная остановка производства даже при одновременной стачке рабочих копей и транспорта.

Если забастуют только одни рабочие важных производств, то они, хоть отчас

тельная и весьма кропотливая работа. На первых порах просто-на-просто придется «приучать» фармера к анархизму, а когда он привыкнет, тогда все само собой решится.

Кроме устной и печатной пропаганды было бы весьма целесообразно, если бы анархисты на практике начали давать примеры, т. е. начали селиться на земле и жить на началах анархизма, поскольку это позволяют окружающие условия. Но это уже особый вопрос, который, надо полагать, кто-либо из товарищей разовьет в следующих номерах «Пробуждения».

АВТОНОМОВ.

ти будут замещены солдатами и стачколомами из рабочих и нерабочих классов общества. Поэтому то надо остановить все крупные предприятия, в которых занято так много рабочих. Необходимо остановить все двигатели. Необходимо прекратить работу во всех средних и мелких предприятиях, необходимо закрыть все магазины.

Вся промышленная, перевозочная и торговая деятельность должна быть приостановлена. Бастующих придется снять с работы, нерешительных рабочих свести с собой. Все это должно произойти в возможно краткий промежуток времени. Но этого мало. Необходимо, чтобы до окончания забастовки работа не возобновлялась даже в немногих промышленных предприятиях. Необходимо, чтобы не могли работать стачколомы, вербуемые среди прямых предателей рабочего класса, среди совсем темных рабочих, среди полу-чиновничего, полу-рабочего пролетариата и, наконец, в рядах вооруженных рабов современного государства — в рядах солдат (часть которых, к слову сказать, специально обучается железнодорожной службе и электротехнике для того, чтобы занять место бастующих рабочих). Правда, все эти лица могут обслуживать только небольшую часть работ, но за то работ наиболее важных для целей правительственной борьбы с забастовкой, для целей смущения бастующих. Во что бы то ни стало, но надо не допустить работы стачколомов.

Бастующие рабочие, например, должны унести с собой важные, но негромоздкие части машин, без которых нельзя пустить в ход последние. Все эти части должны быть сохранены для того, чтобы, по окончании забастовки, их можно было поставить на старые места. В некоторых случаях нельзя будет ограничиться уносом машинных частей: например, не только придется унести части локомотивов, но и разрушить в некоторых местах железнодорожный путь, снять и унести рельсы, взорвать мосты. Придется не только унести части телеграфных и телефонных аппаратов, но в некоторых местах порвать и проволоки, в том числе все проволоки, ведущие в казармы, в присутственные места, в полицейские участки и тому подобные здания.

Все приемы революционного саботажа должны быть изучены революционерами. В тех случаях, когда стачколомами выступят представители буржуазии и дворянства, на них придется организовать прямое нападение.

Правда, буржуа штрайкбрехеры не очень опасны, как это выяснилось в Петербурге и в Парме (Италия), но с рабовладельцами, которые во что бы то ни стало хотят сохранить рабство, церемониться нельзя. В ряде случаев революционный саботаж должен носить наступательный характер и правительство должно будет рассеять хоть часть своего войска для охраны железных дорог, телеграфа, заводов и т. д. Отсюда две выгоды. С небольшими отрядами легче справиться восставшим и небольшие отряды легче переходят на сторону народа.

Оставшиеся в руках правительства средства передвижения придется уничтожить. Прежде всего динамитными взрывами и пущенными на всех парах локомотивами придется встречать карательные поезда с их отрядами убийц. Если такой отряд очень велик, если он все таки прибыл к месту назначения и его нельзя уничтожить вооруженным нападением, — из такого места должны уйти и уехать все рабочие, разрушив за собою дорогу. Железнодорожные служащие и рабочие, а также почтово-телеграфные чиновники, на которых, не разбирая участвовали или не участвовали они в забастовке, обрушилась жестокая месть карателей 1905 года — должны помнить о необходимости ухода. Из тех местностей, где правительство сконцентрирует свои войска, должен начаться повальный уход рабочих, уносящих и увозящих с собою все, что возможно — с'естные припасы, орудия труда, важные части

машин... Нет сомнения, что правительство и буржуазия окажут энергичное сопротивление попыткам самоосвобождения рабочих, и вооруженная борьба с защитниками эксплоататоров и угнетателей явится неизбежной.

Во многих случаях произойдут сражения между народным войском и армией правительства, но имеется серьезное основание расчитывать, что часть солдат и матросов перейдет на сторону народа. Для успеха восстания необходимо захватить города — эти центры правительственного и буржуазного могущества. У нас такой захват возможен, при том условии, что крестьянство окажет помощь рабочим. В самом начале забастовки городской пролетариат должен послать к крестьянам своих послов из знающих военное дело людей и таким образом позвать крестьянство на города для того, чтобы залить их народными полчищами. Крестьянство хочет взять землю и избавиться от начальства. Крестьяне знают, что города, оставленные в руках правительства и богачей, разгромят рассеянный по деревням люд и они двинутся на города в помощь рабочим для того, чтобы низложить начальство, обезоружить и распустить правительственную армию, вооружить отобранным оружием народ, для того, чтобы возвратить народу все то, что захвачено землевладельцами, капиталистами, чиновниками, все то, что, по справедливости, должно принадлежать народу.

Крестьянское и рабочее восстание может увенчаться успехом только в том случае, если города перестанут быть оплотом —вместилищем сконцентрированных сил современного государства, если власть будет уничтожена, если армия будет распущена, а у буржуазии вырваны экономические основы ее могущества.

Послы пролетариата, многие тысячи этих послов могут вызвать одновременное восстание крестьян, двинувшихся на помощь рабочим, и при этом условии мощный и грозный девятый вал русской революции одновременно подхватит народные массы 1)

А. А. КАРЕЛИН.

---

1) Грядущая революция, это — массовая, охватывающая громадную территорию и вместе с тем децентрализированная, в каждой местности происходящая революция. Приказов сверху ждать не придется. Самим трудящимся придется поднять восстание и организоваться на новых началах.

АКРОСТИХ НА СМЕРТЬ ТОВ. М. КОРН

Мне не понять ее поступка!...
Анархия еще утрату понесла.
Ряды активных сил редеют,
И я скажу: «Жизнь наша не легка!»
Яд, смертоносный яд, зачем ты приняла?
Клянусь, то не упрек, а сердца сожаленье!
О друг! Идеи-друг! Нельзя так умирать!
Рать бросила сама, ведь это--преступленье!
Нет!.. Может я не прав! Но смерти этой
не понять.

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЯКОВ.

25/V-33.
Монтевидео.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

Анархизм и революционное правительство

Народ всегда отдает свои лучшие силы для построения социальных систем. Но сам, к великому сожалению, этим построением сознательно не занимается, или занимается только в исключительные моменты: в эпохи революций.

Но главная его беда в том, что со всех сторон народ окружен «друзьями» и «начальниками» — разные политические партии, которые, в самые горячие моменты народной борьбы за свое освобождение, в самый разгар развертывания народного творчества, вмешиваются в движение и принимаются «руководить» народным творчеством и, таким образом, останавливают его на пол-дороге, не пуская его довести до конца дела своего освобождения.

История полна такими фактами.

«Тебе плохо — говорят всегда эти политические благожелатели народу — ты погрязаешь в рабстве и невежестве. Наше сердце надрывается при виде твоих страданий, и мы неустанно заботимся о тебе. Но ты не хочешь понять, что у тебя плохой хозяин, плохой барин. Перемени их и все пойдет хорошо. Особенно, если посадишь нас на место старых».

Наши социалисты, а особенно марксисты и окрестившие себя в коммунисты, упорно повторяют это же самое даже и в наши дни. И народ, это вечное дитя, верит им и отдает свою жизнь и кровь, что бы привести их к власти, в надежде, что этим принесет ему свободу и счастье.

Руководимые марксистскими политиканами, занявшими место попов, жрецов, волхвов и шаманов, трудящиеся от ошибки переходят к ошибке, пока наконец не поймут всю безплодность исканий хороших господ, хороших хозяев и не осознают, что лучше, проще и разумнее устроиться без всяких господ и хозяев, которые по самой природе своей не могут быть хорошими.

Честный революционер должен ясно себе представить ту роль, которую он сможет и должен будет играть в революции. Потому что недостаточно принять какую нибудь программу социальных требований или назвать себя социалистом или анархистом, чтобы уже быть таковым. Нужно прежде всего освободиться от предрассудков, накладываемых на людей буржуазным воспитанием; проникнуться мыслью, что трудящиеся не могут и не должны итти по стопам буржуазии в осуществлении своей свободы; нужно понять, что так же как цели, преследуемые трудящимися разнятся от целей преследовавшихся буржуазией в буржуазных революциях, так и средства их должны отличаться от средств буржуазных революционеров, и что стремиться нужно к полному обновлению жизни на началах равенства, довольства и свободы, а не к завоеванию тех или иных изменений и улучшений. Ибо только поняв и усвоив это, революционер и анархист будут понимать и знать, что они должны будут делать во время под'ема революционного духа масс, во время стремления их к обновлению жизни.

Они тогда будут словом и действием способствовать расширению, углублению и укреплению в народе стремлений к свободе и равенству. Будут будить в массах живым примером личной инициативы дух возмущения и вместе с ними будут бороться за равенство и свободу для всех.

Они ни в коем случае не станут помышлять об ограничении революции, а, наоборот, всеми силами будут бороться против всякой попытки ограничения ее, особенно же против попыток насаждения и укрепления революционного правительства. Ибо революционное правительство всегда означало и всегда будет означать смерть революции.

Революционное правительство преждевременно закончило Вел. французскую революцию. 1789-93 г.г. Революционное правительство погубило революцию 1848 года. Игра в революционное правительство при-

вела к гибели Парижскую Коммуну. «Диктатура пролетариата» и советская власть свели на нет Российскую революцию 1917 года. И эти уроки истории не должны были бы пройти даром для анархистов и трудящихся.

Революционное правительство под каким бы названием и в какой бы форме оно бы ни появлялось, всегда было, есть и будет ограничением революции. Да иначе и быть не может. Всякое революционное правительство есть торжество законности — противоположность революции, — а революционное правительство социал-демократов или коммунистов, это еще, кроме того, торжество беззакония, реакции и авторитаризма.

В революции всегда бывает одно из двух: или народ разобьет весь старый режим и тогда нечего прибегать к революционному правительству, которое только тормозит и убивает всякую революционную инициативу к революционному творчеству народа, или народ не побеждает, или побеждает частично, — и тогда анархисты и революционеры не только не должны брать на себя почин об'явления диктатуры хотя бы и «пролетариата», но наоборот, всеми силами должны мешать установлению любого сильного правительства.

Ибо всякое революционное правительство всегда играло, играет и будет играть противонародную и антисвободническую роль и для того, чтобы удержаться, оно всегда оказывается вынужденным опираться на полицейскую и военную, а не на революционную силу восставшего народа. Оно должно быть готово всегда, если это понадобится, выступить против «чрезмерных» народных требований. И если оно иногда бьет вправо, на врагов революции, которые, между прочим, быстро приспособливаются к новому строю, а иногда даже занимают ответственные посты, то оно чаще и сильнее всего бьет влево, — в друзей революции и народа, стремящихся довести революцию до ее логического конца, т. е. превратить ее в революцию социальную. Одним словом, революционное правительство, по необходимости, должно занять золотую середину, — превратиться в болото, в котором могут найти себе место всевозможные гады.

Борьба со всем, что находится вне центра, вне точной середины между двумя крайностями — есть основная черта всякого революционного правительства. И так как эта борьба ведется правительством, то она, по большей части, принимает характер настолько болезненно - жестокий, что восстанавливает против революции не только противников, или нейтральных, но даже и друзей ее. И именно такими моментами пользуется реакция и, используя естественное раздражение народных масс против революционного правительства, берется за оружие и смело выступает против революции. А в случае ее победы, из болотных гадов, на которых опиралась диктатура, вылезает и контр - революционная реакция.

Таковы уроки истории.

Если же к этому прибавить еще стремление всякой диктатуры, без исключения, к концентрации всех сил страны в одном центре, вокруг которого всегда, как голодные волки, рыщут всевозможные авантюристы и шарлатаны политики, с целью захватить его в свои руки, чтобы иметь возможность господствовать над всей страной, то видно какое страшное и смертоносное орудие есть революционное правительство для революции и народных стремлений к довольству, свободе, равенству и любви.

Нагляднее всего это показали последние революции, и особенно российская.

И напрасно социалисты, коммунисты и даже некоторые анархо - синдикалисты все еще указывают и настаивают, что революционное правительство есть необходимый или, даже, полезный орган для реорганизации общественной жизни на новых лучших и более свободных началах. Того, чего не осуществит сам народ в революции, — не сможет осуществить никакое революционное правительство.

Революционное правительство, как довершение революции, есть выдумка буржуазно - социалистическая, и анархизму эта идея окончательно чужда и противна.

Социалисты и коммунисты гнут свою линию. Они хотят использовать народную революцию в своих партийных интересах, но анархисты гнут свою линию и работают, чтобы всякая революция стала социальной и служила бы интересам народа.

Социалисты и коммунисты пользуются народом, но боятся его, и хотят руководить им сверху, чтобы воспользоваться революцией, укрепиться в революционном правительстве, и силою власти завершить революцию по своим, заранее выработанным, планам; анархисты же не только не боятся народа и хотят быть с ним, но считают, что только народ сам в силах будет перестроить жизнь на лучших началах. Они хотят вместе с народом начать общественное переустройство с самого фундамента всех источников жизни, оставаться с народом всегда и всюду и следить за всеми врагами революции, в том числе и революционным правительством, чтобы они не помешали и не задержали революции.

Анархисты всеми возможными мерами борятся против всяких попыток ограничения народной инициативы и революции, и всегда стремятся расширять и углублять социальное революционное движение до пределов социальной революции. В этом направлении ведется вся их деятельность. Вся их пропаганда, агитация и общественная, культурная и духовная деятельность неуклонно направлены на достижение этой цели. Ибо они убеждены, что пока существуют эксплоатация и власть еще ничего не сделано, и что вся работа общественного переустройства еще впереди. На внедрение в сознание масс этой основной истины и подготовку их к свободному безвластническому строительству они направляют всю свою активность и все свои усилия. По их пониманию никакое правительство, даже самое революционное, не в силах будет совершить социальную революцию. Ее сможет совершить только сам народ.

Анатолий Горелик.

Буэнос Айрес.
Август 1932 г.

ГРУППА «ПРОБУЖДЕНИЕ» В ФИЛАДЕЛЬФИИ

В городе Филадельфии давно уже имеются товарищи, симпатизирующие и распространяющие журнал «Пробуждение», но до сего времени мы не были организованы в группу. Впоследствии мы решили организоваться в «Группу Пробуждение» и работать в направлении распространения безвластнических идей.

С товарищеским приветом

Группа «Пробуждение».

Город Филадельфия.

Л. ЛИПОТКИН.

Большевицкий режим и свободная Россия

Великая русская революция, начавшись в феврале 1917 года ниспровержением ненавистного царского режима, таила в себе почти все разрушительные и созидательные силы, приведшие большевиков, спустя несколько месяцев, к захвату власти в стране. Многочисленное русское крестьянство, долгое время жившее под тройным гнетом аграрного, политического и духовного рабства, ожило духом и развернуло свою мощь, выразившуюся в ряде бунтов и революции. Ему на помощь шел рабочий клесс, связанный с крестьянст. своими родственными социально-политическими интересами. И рядом с крестьянством и рабочим классом шла в борьбе «разночинная» интеллигенция, великая историческая заслуга которой состояла в том, что она выявила и определила все случайные стремления и стихийно-разрушительные действия высшего социального идеала. Но крестьянство, рабочий класс и интеллигенция не были единственными силами в революционной борьбе: к ним надо прибавить еще те угнетенные национальности (белоруссы, грузины, евреи, поляки, украинцы), которых царское правительство всегда держало под сильным гнетом нагайки и штыка, а также и то военное время, начиная с 1914 года, которое держало Россию в состоянии постоянного недовольства, гнева и революционного протеста против всего царского режима, падение которого ознаменовалось февральской революцией 1917 года, а затем октябрьской революцией, давшей большевикам возможность захватить власть в свои руки.

За несколько недель до октябрьской революции, ее вдохновитель и политический вождь Ленин в изданной им брошюре-«Удержат-ли большевики власть?» старался доказать, что если царь мог властвовать над Россией с помощью 130,000 дворян, то большевики с помощью 200 тысяч коммунистов наверное смогут удержать власть в своих руках и силой управлять страной. Характерно здесь, конечно, не ленинское «доказательство», а само название брошюры. Главное здесь было не то, смогут-ли большевики осуществить свою программу, которой у них в законченной форме на самом деле не было, но удержат-ли они власть. В этом сказался весь большевизм Ленина. Для достижения этой цели — захвата власти — все средства были хороши. И это иезуитство красной нитью проходит через все 15-летнее царствование большевиков.

Большевики — «коммунисты» всегда хвастаются тем, что рабочие и крестьяне являются полными хозяевами в России. «Мы, — трубят они, — изгнали из нашей страны капиталистов, помещиков и других врагов народа. Мы ввели новый порядок жизни. Мы организовали свое социалистическое хозяйство. Вся политическая, экономическая и духовная жизнь страны в наших руках. Мы — рабочие и крестьяне — полные хозяева в России и только мы одни управляем страной».

Так-ли это в действительности?

В политическом отношении современная Россия представляет собою государство, разделенное на классы, сословия и многочисленные категории людей, пользующихся неодинаковыми правами и привилегиями: крестьяне, например, составляющие большинство населения, имеют меньше выборных прав, чем рабочие, а деклассированные элементы («лишенцы», «кулаки», «спекулянты») и противники советской власти вовсе лишены политических прав. Наибольшими правами в стране пользуются не вообще рабочие и крестьяне, а только члены коммунистической партии, число которых доходит до 2-х миллионов, — и это при 160-миллионном населении! В стране нет демократических и гражданских свобод, — мысли, слова, печати, организации, труда, — все это «буржуазные» идеи, подлежащие уничтожению; вместо них установлены цензура, сыск и шпионаж. В стране нет также свободы обучения или образования, ибо во всех учебных заведениях — низших, средних и высших — препода-

ется, вернее проповедуется, одна лишь политграмота, т. е. марксистская религия, святыми вдохновителями которой являются «отец Ленин и сын — Сталин».

В экономическом отношении рабочие лишены естественного права забастовки, считающейся преступлением перед законами советской власти. На заводах и фабриках, в шахтах и мастерских введена поштучная и ночная работа, подрывающая силы и здоровье рабочих. Во многих индустриях (как тяжелой: добывание угля, железа, так и легкой: изготовление платья, обуви) рабочие прикреплены к своим предприятиям, которые стараются отличиться в так наз. «соц. соревновании». Такая «социалистическая» конкуренция происходит как между целыми фабриками, так и отдельными рабочими. Крестьяне лишены собственного клочка земли и они насильственным образом прикреплены к «колхозам», в каждом из которых находится до 10 коммунистических чиновников (Считая, что в России находится, согласно советской статистике, 250,000 колхозов, мы находим в них таким образом, 2½ миллиона коммунистических чиновников!). Продукты первой жизненной необходимости, как хлеб, масло, сахар и т. д., вывозятся заграницу, где взамен их делается закупка сельско-хозяйственных и других машин для индустриализации страны. Результатом всего этого является полуголодное положение России.

В духовном отношении этой индустриализации служат образование, наука, литература и мораль. Система образования носит классовый и узко-партийный характер: с малых лет детей учат новой марксистской грамоте — ленинизму. Образование доступно не столько трудящимся, сколько привилегированным группам и членам коммунистической партии. Наука сделалась достоянием и монополией правящих коммунистов. Партийный билет — лучшее право для научных заданий. И всякий, исповедующий принципы марксизма или исторического материализма, является ученым. Литература — это зеркало многогранной общественной жизни и ключ к ее пониманию — находится в рабской зависимости у большевиков и служит генеральной линии партии и «пятилетке». Газеты, журналы, книги — все в руках государства и его верных слуг — коммунистов. Мораль большевизма, согласно заявлению Ленина: «каждый коммунист должен быть чекистом», допускает и оправдывает ложь, обман, подлог и провокацию, если только все эти «благородные идеи» помогают укреплению коммунистической власти. За время своего 15-летнего царствования коммунистические властители психич. и морально так свыклись с диктатурой, насилием, произволом и террором, что они уже перестали видеть и понимать, что вся система их власти ненормальна, мерзка и безчеловечна. Их нравственное падение достигло того, что даже коммунистические лидеры потеряли право критиковать друг друга, и вскоре после изгнания Троцкого из пределов России, Сталин и его поклонники сделались единственными вершителями судеб этой страны.

В общем вся политическая, экономическая и духовная жизнь России замыкается той железной цепью, которая, по терминологии правоверных коммунистов, называется «диктатурой пролетариата», но которая в действительности есть диктаторство нескольких лиц — верхушки коммунистической партии над многочисленным русским народом, ибо ни крестьянство и ни рабочий класс в целом не разделяют стремлений и идеалов большевицких узурпаторов. Таким образом, «рабоче-крестьянская» власть, о которой так много барабанят большевики, в действительности находится в руках коммунистической партии, и не рабочие и крестьяне, конечно, управляют страной: **подлинной властительницей в России является коммунистическая партия во главе с диктатором Сталиным и его послушным орудием Г П У.**

Большевицкий режим с его суровыми, драконовскими законами, как например, смертная казнь за кражу, «вредительство» и «контр - революционную» деятельность, характеризуется еще и следующими «благами» и «достижениями»: в стране ощущается недостаток пищевых и других продуктов вследствие большого вывоза их заграницу; положение рабочих во многих индустриях стано-

вится необыкновенно плохим благодаря ночной и сверхурочной работе; крестьяне в деревнях, доведенные до отчаяния тяжелыми налогами и преследованиями коммунистических чиновников, уничтожают пшеницу, рожь, и рогатый скот; «квартирный голод» (нужда в жилых помещениях) увеличивается все больше и больше благодаря приросту населения; система железнодорожного транспорта находится в критическом состоянии; план первой «пятилетки» не достиг своей цели; всякое свободное проявление мысли и протеста заглушается железным каблуком всемогущего диктатора Сталина. И... невольно содрагаешься от боли при мысли о страданиях и муках рабоче-крестьянской России, живущей под ярмом большевицкого рабства!

Как же можно упразднить большевицкий режим?

Защитники этого режима говорят, что если бы русскому народу действительно жилось бы плохо при диктатуре пролетариата, то он давно уже сбросил бы с плеч тяжелое ярмо рабства. Но раз он этого не делает, раз в стране нет революции против этой диктатуры,—значит «народ живет не плохо и он доволен». Такой аргумент с первого взгляда кажется веским, сильным, но в сущности он неправильный и ложный.

Чтобы упразднить какой-либо режим, последний должен просуществовать известное время. Когда же недовольство и протесты достигают высоких пределов, достаточно часто незначительного факта или события для того, чтобы вызвать в стране революционное выступление масс. Но, путь, который проделывается народом от страданий и недовольства до протестов и революции, очень длинный и тернистый, ибо в революцию народ приносит с собой веками поруганную правду и высший идеал справедливой человеческой жизни. Его-же молчаливое страдание есть своего рода обвинительный акт против существующих несправедливостей. Такой именно обвинительный акт и вынес русский трудовой народ большевистскому режиму.

«Выгоды» и «прелести» этого ненавистного режима довели рабочих и крестьян до состояния постоянного, хотя и молчаливого недовольства, и в глубине народа намечается теперь движение борьбы против основ большевистского строя. Вот это недовольство надо поддержать, расширить и заострить. Надо пробуждать волю трудящихся к самодеятельности. Обманутые большевиками, рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция должны об'единить свои силы и выставить общий об'единенный фронт борьбы против самозванных властителей - большевиков. В этой борьбе большой помощью будет и растущее новое поколение, в своем большинстве враждебно настроенное против коммунистической власти. **И только трудовой народ, наученный горьким опытом прошлого, в состоянии будет уничтожить большевицкий режим,** ибо он уже раз дерзнул поднять знамя социальной революции и заложить фундамент свободной жизни и он не откажется от своих дерзаний и в недалеком будущем.

Какова же должна быть форма той новой общественной жизни, которая установится после падения большевистского режима?

Из истории России мы знаем, что в этой стране не раз делались попытки к бунтам, возстаниям и революциям со стороны угнетенных народных масс — и самой отважной и грандиозной среди них была, несомненно, революция 1917 года. Но между февральской революцией, уничтожившей царский режим, и октябрьской революцией большевиков, установившей новые формы рабства, лежит глубокая пропасть. Большевики, конечно, могли убеждать рабочих и крестьян в том, что для торжества революции нужна новая власть — диктатура их коммунистической партии, но все истинные творцы революции, шедшей под знаменем крайних социально-революционных идеалов и лозунгов («вся земля крестьянам», «фабрики и заводы рабочим», «хлеб и воля народу») знали сколько лжи и обмана было скрыто в таких утверждениях. Анархисты, максималисты и левые социал-революционеры — этот передовой элемент революции — не раз предупреждали народ о готовящемся против него обмане со стороны большевиков—«коммунистов», став

ших контр-революционной и реакционной силой, как только они добились власти. И пятнадцатилетняя практика «диктатуры пролетариата» действительно показывает, что большевики в России жестоко обманули рабочих и крестьян, которых они использовали в интересах своего партийного господства. Урезав политические и социальные права народа, они свели на нет все его революционные завоевания и привели страну к царству нового капитализма, наемного труда и власти коммунистической бюрократии.

Но давно уже известно, что власть портит человека. Эта анархическая истина, которую не раз повторяли лучшие мыслители и борцы России, как М. Бакунин, П. Кропоткин, Л. Толстой, наглядно выявилась в исторической жизни русского народа: власть царей, власть временного правительства и власть большевиков — все они символ порабощения народа. Во имя власти всегда проделывались и теперь проделываются самые худшие беззакония, жестокости и несправедливости. Поэтому власть — всякая власть, в какой бы фомре она ни проявлялась — должна быть уничтожена в корне. Ее место должно занять свободное, безвластное общество. И только такое общество людей, которое не будет знать эксплоатации, насилия и власти, сможет зажить свободной жизнью.

Исходя из всего этого, надо заключить, что будущая форма новой общественной жизни в свободной России должна быть установлена по системе федерально-объединенных самоуправляющихся организаций, среди которых производственно-потребительские кооперативы рабочих и крестьян займут главное место. Эти свободные организации наладят производство, организуют самозащиту труда, охрану границ, фабрик, заводов и вообще всех революционных завоеваний освободившейся страны. Они также установят разумное и равенственное распределение труда и довольства, руководствуясь справедливым свободно-коммунистическим принципом: «от каждого по его способностям и каждому по его потребностям». И такая свободная жизнь будет лучшим идеальным достоянием русского трудового народа в его долгой и героичской борьбе за свободу и безвластие.

Хотя победа безвластия в России и не так близка, но влияние свободных идей, подобно вечно бегущим потокам воды, подтачивает уже основы, на которых построена вся система большевистской власти. В круговороте истории формы власти постоянно меняются — старые рушатся и новые возникают,—но в периоды разрушения и созидания мощно раздается голос анархизма, призывающий трудящийся народ к полному освобождению от политического, экономического и духовного рабства. Близится время, когда большевистская власть будет уничтожена русским народом, стремящимся к справедливой и свободной жизни. И, подобно тому, как царский режим был уничтожен во имя свободы, большевицкий режим будет уничтожен во имя безвластия и великая Россия станет свободной страной

Л. ЛИПОТКИН.

БЛАГОДАРНОСТЬ ТОВАРИЩАМ

Федерация групп «Пробуждение» приносит глубокую благодарность товарищу Н. Гваю за пожертвование книг Д. Н. Овсянико-Куликовского «История Русской Литературы» пять томов в пользу «Пробуждения», а также тов. П. Ковальчуку, который пожертвовал в пользу «Пробуждения» книги Н. А. Рубакина «Среди книг», и тов. К. Полейку, что подарил три больших картины для розыгрыша в пользу журнала. Товарищей, желающих помочь журналу и приобрести ценные книги, по очень низкой цене, просим списаться с секретарем «Пробуждения».

Письмо из СССР

На-днях тов. А. К. получил ваше письмо, в котором вы пишете об упадке анархического движения в Америке. Мне кажется, что все эти вывихи и эпидемические заболевания узкой фракционностью происходят вследствие легкомысленного подхода к анархическому движению со стороны наших уважаемых товарищей.

Вместо того, чтобы изучить идеи анархизма, понять их сущность и найти для них почву в нашей действительности, если и не в прямом осуществлении их, то хотя бы в сердцах масс,они занимаются фракционной грызней, замечая у своих идейных противников зерно в глазу и не замечая у себя бревна.

Ясно, что такая манера внедрять свои идеи в головы людям не приведет к хорошим результатам. К сожалению, этой болезнью болеют все за очень немногими исключениями и как ни печально, но приходится признаться, что мы будем у разбитого корыта до тех пор, пока не избавимся от «яро-идейных» выступлений. Но что же делать, как избавиться, как бороться с подобными явлениями?

Мне кажется, что самым разумным и целесообразным будет, не вступая с ними в полемику—что может привести к очень нелепой и вздорной грызне и перемыванию косточек, приняться за работу над журналом, который вполне бы об'ективно и научно излагал бы теорию анархизма и так же серьезно, ясно и просто — пути к его осуществлению.

Хорошо было бы делать научно-исторический обзор революционных движений и участия в них анархистов. Не мешало бы также раз'яснять насколько возможно причины неудач анархического движения. Я думаю, что наша Русская Революция дает богатые материалы для подобных статей.

Желательно было бы, чтобы статьи не имелиб характера голой критики по отношению к Русской Революции и что еще хуже огульного обвинения коммунистов, которые яко-бы «с'ели революцию», а выясняли бы, почему именно коммунисты,а не кто другой, имели успех, изучали бы все ошибки нашей революции и на них бы учились избегать подобных явлений на будущее время. Вообще, было бы желательно, если бы мы поменьше судили о том, как следует поступать другим, но о том, как следует поступать нам и в своей практике руководствовались прекрасным изречением Дамманады: «Мудрый не должен замечать того, что другие делают, или в чем они терпят неудачу, но должен думать только о том, что он сделал и чего не успел сделать»

Я лично склоняюсь к той мысли, что не было ни одного революционного движения, в котором были-бы только одни ошибки или-же одни непогрешности. Каждое движение имеет свои дурные и хорошие стороны; в каждом движении можно найти не только ошибки, на которых нам нужно учиться, чего нам не надо делать, но также и хорошие стороны, которые необходимо принять и еще более усовершенствовать.

Мне кажется, что, если мы сумеем подходить к каждому движению без ненависти и злобы, которые, к сожалению делают нас неспособными к правильному и жизненному пониманию происшедших и происходящих явлений, то мы не только сможем разобраться в настоящем, но и сумеем усмотреть в настоящем зарождение Будущего.

Хотелось бы, очень хотелось увидать в вашем журнале об'ективные и живые изложения анархического учения, так же как и призыв к нему не крикливый и истерический, а этого, пожалуй, можно будет достичь, если не зазывать в мир анархии людей, подобно купцам, зазывающим зевак прибаутками, расхваливая свой товар, хуля товары своих конкурентов, а выложив скромно и с достоинством воистину ценные вещи, которые сами бы говорили за себя и привлекали бы людей своей подлинной ценностью. Уверяю вас, что такой купец

ОТЧЕТ

Федерации групп «Пробуждение» от 1-го мая по 15-е октября 1933 г.

Приход за журнал «Пробуждение»:

Филадельфия — Группа через тов. Гренука	$10.00
Нью Иорк — Кр. Д. Свободы	9.00
Балтимор — О-во «Самообразование»	4.50
Гартфорд — Группа через тов. Лавренука	3.80
Гери — Н. Гвай	3.00
Нуарк — Группа через т. Новика	2.25
Рочестер — Группа «Свобода»	1.00
Ром — И. Шмигель	1.00
Эмбридж — О. Руль	1.40
Бруклин — Б. Войтович	1.05
Канада — С. Сак	1.00
Канада — С. Филитов	3.00
Канада — Группа Гамилтон	6.40
Канада — Союз «Самообразование», Виндзор	7.51.
ВСЕГО	54,91.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ФОНД

Виндзор — тов. Талан. Подписной лист номер 52 —3.72. Кливланд — тов. Хрипливый. подписной лист номер 51 —3.10; Филадельфия — тов. Яромолович, подписной лист номер 53 — 10.00, Гамилтон— тов. Якимов. подписной лист номер 50 — 8.85. Балтимор — Общество «Самообразование» — 10.00. Нуарк — Группа через тов. Новика — 6.25. Ленсинг — Н. Иванов — 6.00. Сан-Франциско — П. Логинов — 3.25, Либерт — Г. Сыч — 3.00, Вотербур — В. Арсенук — 1.00, Егенвуд — С. Дубас — 1.00, Нью Иорк — Кр. Д. Свободы — 3.70. ВСЕГО 59.87.

ДЕТРОЙТ, МИЧ.

Подписной лист номер 56	27.50
Проф-Союз в фонд журнала	19.00
За «Пробуждение»	14.55
П. Ковальчук	5.00
В. Подолянин	5.00
Е. Павлов	2.00
А. Лагоцкий	1.50
А. Денисов	1.00
А. Бойко	1.00
Т. Фурман	1.00
ВСЕГО	77.55
Подписка на «Пробуждение»	10.75
Всего прихода	203.08

РАСХОД:

Издание журнала	122.35
Почтовые расходы	30.60
Перевод статей	49.50
Выслано М .Неттлау	10.00
Уплачено К. Кожину	5.00
Выслано М. Ю.	5.00.
ИТОГО	222.45.
Осталось дефицита	19.37

Так как в прошлом номере дефицит был 40,12, то теперь дефицит равняется 59,49. Для того, чтобы покрыть этот дефицит, а это сделать можно только общими усилиями, то мы просим все группы и отдельных товарищей придти нам на помощь: во-первых, не задерживать денег за проданные номера журнала; во-вторых, внести по одному доллару (конечно, кто может) и только таким способом мы сможем покрыть этот дефицит, другого выхода мы не видим.

КОМИССИЯ:
А. Бойко, П. Ковальчук.

рано или поздно будет вне конкуренции для людей, желающих себе лучшего. Вот это, пожалуй, все, что хотела вам сказать в этом письме. Возможно я ошибочно разрешаю кой-какие вопросы, или, что еще хуже, совсем не даю решений, в таком случае я буду благодарна вам, если вы прямо, без стеснений, укажете мои ошибки. Все же со стороны лучше видно.

Искренно уваж. Вас.

Л. Г. Н.

Открыта подписка
НА ЖУРНАЛ
ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся Федерацией групп "Пробуждение".

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнить возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.